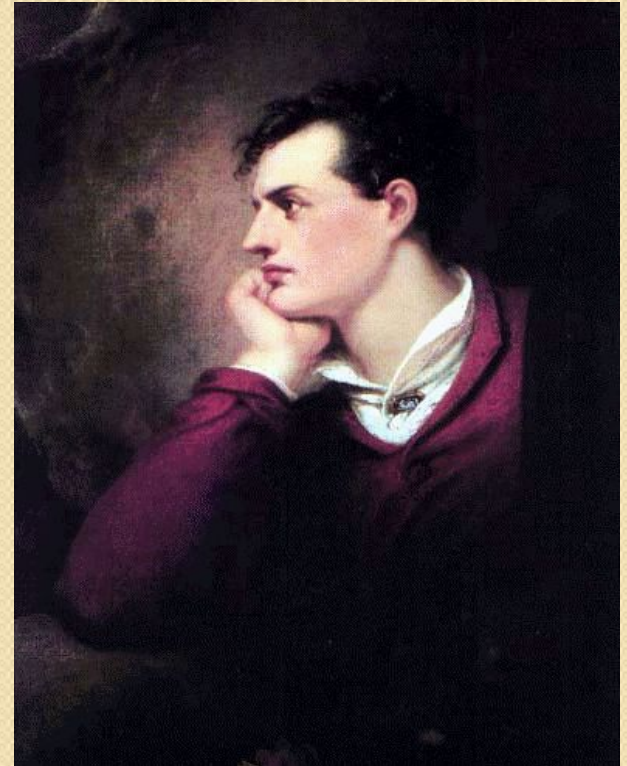

Байронизм в творчестве Пушкина

учитель Морозова Т.А.

Цель работы:

- выявить, какое влияние оказало творчество Байрона на творчество А. С. Пушкина.

Задачи работы:

- -выяснить, в чём заключаются особенности романтизма Байрона и Пушкина;
- -найти сходства и различия в приёмах характеристики героя в творчестве Байрона и Пушкина;
- -сопоставить приёмы создания романтического героя в произведениях Байрона и Пушкина;
- -познакомиться с лирической манерой повествования Байрона и Пушкина. Найти сходства и различия в ней.

Вопрос о влиянии Байрона на Пушкина обсуждается в русской науке и критике уже целое столетие. Он поднят был первыми рецензентами и читателями т. н. «байронических поэм»; в его обсуждении участвовали почти все, писавшие о Пушкине, в том числе в сравнительно недавнее время такие авторитетные знатоки западноевропейских литератур, как Стороженко, Дашкевич, Алексей Веселовский. Нельзя признать результаты их работ особенно плодотворными.

Частичные совпадения отдельных мотивов установлены достаточно прочно: задумчивость Гирея в «Бахчисарайском фонтане» и изображение Джафира в начале «Абидосской невесты»; смерть Заремы и наказание Лейлы в «Гяуре»; некоторые внешние черты в образе пленника («И на челе его высокое не изменялось ничего...») и традиционная внешность байронического героя и т. п.

Однако более широкие и принципиальные выводы страдают неясностью и неопределенностью: с одной стороны, зависимость Пушкина от Байрона была признана самим поэтом и в какой-то мере является непосредственно очевидной для всякого читателя и исследователя: с другой стороны, мы также непосредственно ощущаем гениальное своеобразие поэзии Пушкина и неохотно соглашаемся признать его зависимость от образцов, боясь тем самым умалить его оригинальность, а обостренное национальное сознание стремится обосновать самобытность и народность русского поэта отрицанием значительности и глубины возможных иноземных («влияний»).

Изучение влияния Байрона на Пушкина может идти в трех различных направлениях, которые смешиваются большинством исследователей:

- влияние личности и поэзии Байрона на личность Пушкина;
- влияние «идейного содержания» байронической поэзии на идейный мир поэзии Пушкина;
- художественное воздействие поэзии Байрона на поэзию Пушкина.

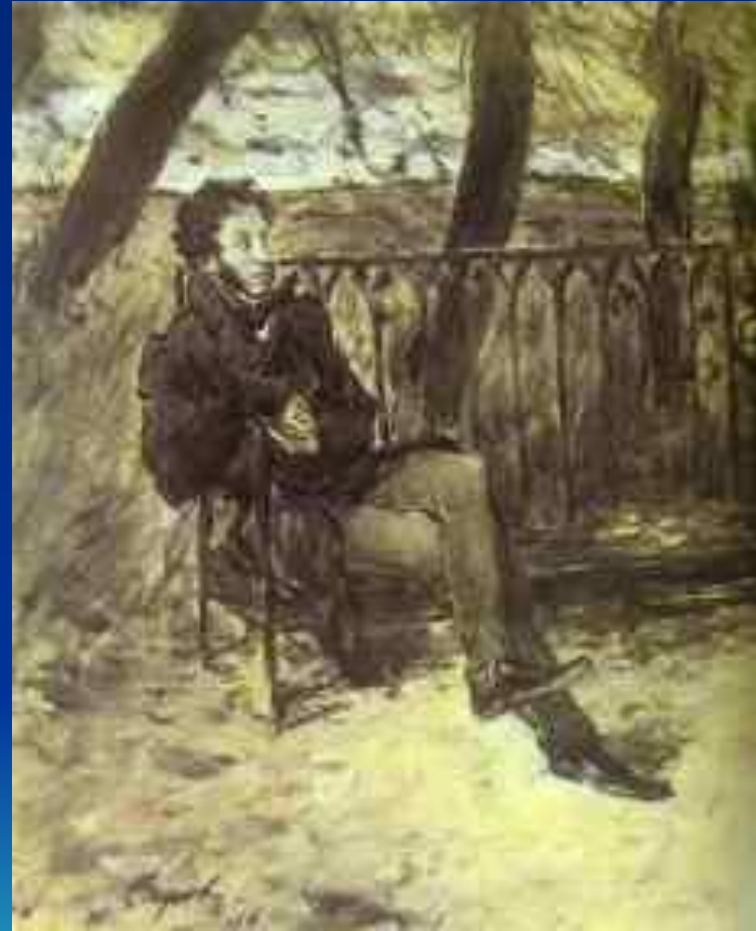

Сюжет «Евгения Онегина» несет в первых главах явную реминисценцию «Кавказского пленника» (пресыщенный светской жизнью молодой человек, удалившийся от общества, встречается в своем добровольном уединении девушку, от чьей искренней любви холодно отказывается), восходящего в свою очередь к «Корсару». Через весь роман Пушкина настойчиво проводит сопоставление Онегина с Чайльд-Гарольдом ; в черновике первоначально значился Адольф , герой романа Байрона Констан, замененный Чайльд-Гарольдом, видимо, потому, что байроновский герой был общепонятным символом, хорошо известною маскою; черновик предисловия к отдельному изданию гл. I, где также первоначально вместо Чайльд-Гарольда фигурировал Адольф; проект предисловия к гл. VIII и IX .

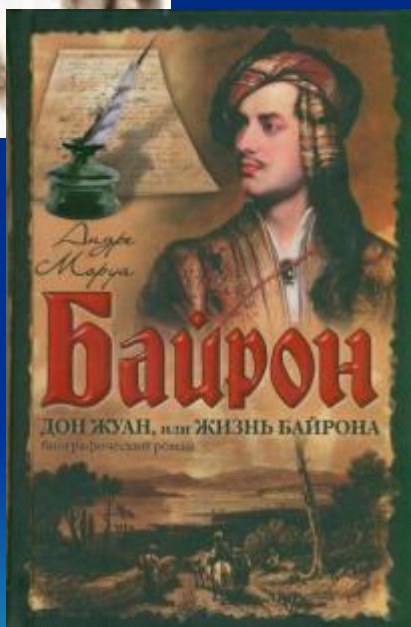

Связь Онегина с Чайльд-Гарольдом усмотрели и те, кого еще до появления гл. I из печати Пушкина знакомил с нею в отрывках (письмо В. Ф. Вяземской мужу от 27 июня 1824 — ОА. Т. 5. Вып. 2. С. 112–113) или кто узнал о ней по слухам, как Н. М. Языков (письмо к А. М. Языкову от 24 мая 1824 — Язык. архив. С. 136). «Изнанкою Чильд Гарольда» называет «стихи» Пушкина, т. е. «Евгения Онегина», Минский в черновике наброска «Гости съезжались на дачу...», 1829 .

Указания Пушкина о связи «Евгения Онегина» с «Дон Жуаном» создают видимость смены ориентации автора по мере продвижения романа. В письме к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 Пушкин сообщал, что пишет «роман в стихах <...> в роде Дон Жуана», который не надеется когда-либо напечатать, имея в виду цензуру; в черновом письме к А. А. Бестужеву от 8 февраля 1824 говорилось, что новая «поэма» «писана строфами едва ли не вольнее Дон Жуана», и повторялись опасения о невозможности ее публикации.

Признание влияния «Дон Жуана» в иных отношениях завуалировано указанием на то, что «Евгений Онегин» «напоминает Беппо, шуточное произведение мрачного Байрона», написанное в близкой к «Дон Жуану» художественной манере, но свободное от того, что Пушкин в последнем не принял. Общность между «Евгением Онегиным» и «Дон Жуаном», обозначенная Пушкиным фразой «в роде Дон Жуана», обнаруживается главным образом в их лиро-эпической форме, разработанной Байроном, но еще до знакомства с его романом нащупывавшийся Пушкиным самостоятельно в «Руслане и Людмиле».

Не существует точек соприкосновения между «Евгением Онегиным» и «Дон Жуаном» ни в сюжете (даже если первоначально Пушкин задумывал, по примеру Байрона, сатирическое обозрение нравов посредством путешествующего героя), ни в содержании, отражавшем современную русскую действительность, ни в характерах, имевших глубокие национальные корни и, в отличие от статичного байроновского героя представленных в духовном развитии.

Во 2-й половине 1820-х непосредственное воздействие произведений Байрона на Пушкина слабеет, принимая эпизодический и частный характер. На первое место в качестве активного творческого образца выдвигается поэма «Беппо».

В «Полтаве» (1828–1829) присутствуют рудименты художественных приемов, перенятых Пушкиным из «восточных» поэм, но главная ее связь с произведениями Байрона состояла в полемике с отразившейся в его «Мазепе» философской концепцией, согласно которой историей управляет игра случая; элемент полемики заключал в себе и сам характер Мазепы в изображении Пушкина.

Вопрос о «байронизме» Пушкина имеет длительную непрерывную историю. На всех ее этапах он оставался дискуссионным и злободневным, привлекая к себе внимание и настоятельно требуя ответа как составляющая более широких актуальных историко-литературных проблем, поднимавшихся в контексте движения общественной мысли в каждую эпоху. Он возник в кругу друзей и знакомых Пушкина с публикацией элегии «Погасло дневное светило...» и поддерживался известиями о работе Пушкина над «Кавказским пленником» и о его поведении в Кишиневе.

С появлением «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана» и «Цыган» сравнение их автора с Байроном вышло в рецензиях на страницы журналов и стало одним из критериев оценки творчества Пушкина. Для критики 1820-х – начала 1830-х гг. (Вяземский, Н. А. и Кс. А. Полевые, И. В. Киреевский и др.) влияние Байрона на Пушкина было неоспоримым и в большинстве признавалось плодотворным, имевшим своим результатом освоение русским поэтом новых художественных форм и создание в отечественной литературе жанра романтической поэмы, позволявшего выразить в полную силу настроения, мысли и художественные искания современного поколения.

С конца 1870-х началась научная разработка проблемы пушкинского «байронизма» (А. Шалыгин, Н. И. Стороженко, А. И. Незеленов, В. Д. Спасович, Алексей Н. Веселовский, Н. П. Дашкевич и др.). Сосредоточившись на связанных с нею вопросах, уже поставленных и неоднозначно решавшихся критикой в предшествующие десятилетия, ученые искали прочную фактологическую основу, которую в соответствии с позитивистской методологией сравнительного литературоведения того времени должны были составить разграничение и точное определение понятий «влияние» и «подражание», выявленные историко-литературными исследованиями связи и контакты, установленные детальным анализом текстов параллели, аналогии, цитаты, реминисценции и пр.

Новый подход к изучению проблемы «Пушкин и Байрон» был найден В. М. Жирмунским. Рассматривая «поэзию как искусство, а изучение поэзии — как анализ и интерпретацию художественной формы», понимаемой «как система средств, выражавших ее поэтическое содержание», он сосредоточил внимание исключительно на «художественном воздействии поэзии Байрона на поэзию Пушкина» и показал, что эффект, ставивший в тупик критиков и ученых и порождавший полярно противоположные оценки, явился результатом взаимопроникновения и взаимотрансформации двух исходно различных художественных систем — байроновской «романтической», накладывавшейся на «классическую», которой по своему творческому складу принадлежал Пушкину.

Обзор наиболее существенных совпадений мотивов между «ВОСТОЧНЫМИ» И «ЮЖНЫМИ» ПОЭМАМИ

- «КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК».
- 1. СЮЖЕТ. Существенное сходство между «Кавказским пленником» и «Корсаром»- в развитии основной части сюжета, отношений пленника и туземной красавицы. Отношения эти развиваются у Пушкина, как и у Байрона, в известной градации.

2. ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА КАК ВСТУПЛЕНИЕ. Подобно Байрону, Пушкин открывает свои поэмы лирическим вступлением. Темы у обоих поэтов сходные: изображение экзотической обстановки действия, его художественной декорации- природы дальнего юга или востока и этнографических картин из жизни полудикого народа. В «Кавказском пленнике» эта картина мирного аула, разбойничьего гнезда в короткий промежуток отдыха, которая по теме напоминает «Корсара». Как у Байрона, при спецификации занятий отдыхающих черкесов вводится известное обобщение, не выходящее, однако, за пределы конкретно данной ситуации.

3. СЦЕНЫ НОЧНОГО ПОСЕЩЕНИЯ. Первое появление черкешенки у ложа спящего пленника повторяет некоторые существенные черты той же сцены у Байрона. Прежде всего сходство ситуации: наступила ночь, пленник забылся сном, и вот у его ложа появляется прекрасная туземка. Сцена открывается в обоих случаях эмоциональным вопросом автора, обнаруживающим его участие в рассказе. У Байрона: «Он спал - кто это наклоняется над мирно спящим?..». У Пушкина: «Но кто это в сиянии луны, Среди глубокой тишины, Идёт, украдкою ступая?..». Пробуждённый пленник не верит в реальность представшего ему образа. У Байрона: «Казалось, он сомневался, видит ли её на самом деле...» Чей это образ? Если не воздушное видение...». У Пушкина: «И мыслит: это лживый сон, Усталых чувств игра пустая...».

4. ПЛЕННИК В ПОЗЕ ЗАДУМЧИВОСТИ ПЕРЕД КАРТИНОЙ КАВКАЗСКИХ ГОР. Корсар впервые является перед нами морем, у входа в пещеру, на горной высоте, как одинокий путник, задумчиво опирающийся на меч и устремивший взгляд на синие волны.

В «Кавказском пленнике» герой изображается погруженным в созерцательное раздумье на вершине горы, перед величественной картиной Кавказа.

5. «ТАИЛ В МОЛЧАНЬИ ОН ГЛУБОКОМ...» Поэзия Байрона, воспитанная, как и поэзия Пушкина, на идеологическом наследии французской буржуазной мысли 18 века, на «вольнодумстве» и критицизме идеологов буржуазной революции, создаёт романтический образ мятежного героя-индивидуалиста, пессимистического и разочарованного, героя-отщепенца, находящегося в конфликте с современным обществом, и преступника с точки зрения господствующей морали. Всё творчество Байрона превращается в лирическую исповедь этого героя. В свете этого поэтического образа воспринимается современниками и собственная жизнь Байрона.

6. ОТНОШЕНИЕ ГОРЦЕВ К ПЛЕННИКУ. В окружающих герой вызывает смущение и страх, и это отношение служит эффективным мотивом для отражённой характеристики героя. Конрад обладает «магической властью», которая поражает толпу и заставляет толпу подчиняться ему беспрекословно: это «власть мысли, магия ума». Даже в оковах герой внушает врагам своим чувство уважения и страха: лучшие из вражеских воинов не решались оскорбить того, «кто научил их страху»; «суровая стража, которая вела его в темницу, взирала на него в молчании и с тайным трепетом».

В своих врагах-черкесах пленный русский вызывает такое же чувство уважения своею смелостью, как Конрад в окружающей его страже. Общее сходство ситуации, а также композиционная функция этого мотива, образующего в «Кавказском пленнике», как и в «Корсаре», эффектную концовку большого отрывка, позволяет предполагать у Пушкина бессознательную реминисценцию.

7. РАЗГОВОР ПЛЕННИКА И ЧЕРКЕШЕНКИ. ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ В «ДРУГОЙ»; РАЗГОВОР ГЮЛЬНАРЫ С КОНРАДОМ. В последней сцене черкешенка повторяет не только самые слова Гюльнары, но как бы воспроизводит интонацию этих слов-вопрос-восклицание, невольно вырывающийся у женщины, которая узнала, что у неё имеется более счастливая соперница, и вслед за этим выражение кажущегося равнодушия, полного сдержанной обиды и горечи. У Байрона: «Ты любишь другую? – но что мне до этого?– для меня это ничего не значит- не может значить никогда...». У Пушкина: «Возможно ль? Ты любил другую?.. Найди её, люби её; О чём же я ещё тоскую? О чём уныние моё..».

Безусловно, Байрон во многом повлиял на творчество Александра Сергеевича Пушкина. Однако, стоит отметить, что это не плагиат.

Пушкин назвал Байрона гением и новизну его поэзии воспел во многих своих произведениях. Личность Байрона, его характер великий русский поэт сравнил со стихией моря:

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могуч, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим...
("К морю")

В своих записях, набросках Статей, высказываниях о Байроне Пушкин показал не только его сильные стороны, но и слабости и противоречия как романтика.

Большое признание снискал Байрон среди декабристов, для которых он был примером служения делу свободы. Декабристы переводили его произведения, посвящали ему стихи и поэмы и первыми в мире высоко оценили пафос революционности в творчестве Байрона.

Таким образом, уже при жизни Байрона Пушкин и декабристы взяли на себя нелегкую в царской России миссию защиты свободололюбивых идей его поэзии, бросив тем самым вызов реакции, царской цензуре, которая заявила, что "безбожное влияние байроновского разума, изуродованного свободомыслием, оставляющее неизгладимый след в умах молодежи, не может быть терпимо правительством" (Цит. по ст.: С. Машинский. Драматургия Байрона и гуманизм.)

